

Накануне приезда
в Петербург

Александр КОЛЕСНИКОВ

Музыкальные круги его родины Австрии начали готовиться к дате заезда. Летом в маленьком курортном Бад-Ишле недалеко от Зальцбурга на Вилле кайзера давали легаровский гала-концерт с Доминго, Каррерасом, Хампсоном. В августе в Вене в Театре ан дер Вин прошла премьера его поздней оперетты «Паганини». В Штаатсопере на февраль запланирована новая «Веселая вдова». Парижская Опера Бастиль также готовит «Вдову», но пораньше — к декабрю. И это только события последних и ближайших месяцев. На деле же Легар никогда не уходил из мирового музыкального пространства. Количество его постановок повсюду — от Калкутты и Токио до Нового Света — выражается астрономическими цифрами. Так было в начале столетия, в 1905 году, когда родился его сверкающий шедевр, так есть и сегодня, на исходе века, когда «Веселая вдова» набрала гигантскую дискографию, по-прежнему неколебимый рейтинг.

Повод вспомнить о Франце Легаре был, конечно, и у России: на 100-летие композитора, 125-летие и сейчас. Но ни одному из наших театров не пришлось на ум отметить юбилей человека, до сих пор делающего им кассу. Ни одного звука, ни одного движения. Ну да Бог с ними, не о том речь. Были у этого баловня судьбы, у этого сверхблагополучного господина таинственные моменты притяжения к России, если хотите, вполне русской тоски, невыразимой в слове, но уловимой в звуке. Были и биографические моменты встреч.

Первое большое сценическое сочинение — опера «Кукушка» (1896) — написано на русский сюжет: с наступлением весны и первым пением кукушки бегут из сибирской ссылки вместе с несчастными заключенными вахтенный солдат Алексей со своей возлюбленной Татьяной, дочерью старости, и гибнут в степи. В музыке впервые у Легара возникает русский пейзаж и столь волнующий его образ Волги, видимо, более всего связанный с далекой огромной страной. В позднем возрасте, через 30 лет, он напишет «Царевича» — о любви Алексея (сына Петра I) к танцовщице Соне Ивановой. Им тоже придется бежать

Были у этого баловня судьбы, у этого сверхблагополучного господина таинственные моменты притяжения к России, если хотите, вполне русской тоски, невыразимой в слове, но уловимой в звуке.

отсюда, на этот раз в Италию, где их любовь будет разрушена политикой и расчетом. В этом придуманном и странном сюжете, наивном взгляде вновь возникает «Волжская песня», полная неизбывной тоски, чистоты и лиризма. «Волга-лид» стала весьма популярной, а сама оперетта довела в 1927 году до слез весь берлинский бомонд.

Россия усваивала Легара хоть и не европейскими темпами, но все же быстро. Первый громкий шлягер — вальс «Золото и серебро» (1899) — мгновенно расхваливается по разным столицам и достигает Москвы. Это становится известно автору и радует молодого красавца капельмейстера 26-го пехотного полка, расквартированного в изнемогающей от наслаждений Вене. Славянский элемент (так сразу обозначили современники) пронизывает музыку Легара, русские персонажи возникают в европейских интерьерах («Граф Люксембург»).

Живая встреча с Россией происходит в 1912 году, когда он, уже мировая знаменитость, приезжает в Петербург дирижировать в театре «Пасаж» (ныне Театр имени В. Комиссаржевской) постановкой своей «Евы».

Резонанс огромный, прием самый горячий, пресса активна. Легар прощается с северной столицей, но это не последний визит в Россию. Другие произойдут через тридцать лет в трагических обстоятельствах второй мировой войны. О них мало известно, но они были. Он, заложник третьего рейха, концертирует с немецкими оркестрами на оккупированной территории. Одно из появлений Легара в районе Кеннигсберга — Калининграда запомнил маленький ли-

товский мальчик, впоследствии известный дирижер Альгис Жюрайтис, и рассказал незадолго до смерти автору этих строк. Легару было уже за семьдесят — седой, представительный, по-прежнему первоклассно владеющий своей «первой профессией» дирижера. И наконец в апреле 1945-го в полуразрушенной Вене он оказывается в расположении советских частей и, пытаясь объяснить, что он композитор, запевает свой самый, как ему казалось, известный шлягер — песенку графа Данилы из «Веселой вдовы». И — невероятно! Один солдат не просто узнает, но и подхватывает куплеты «у Максима». Впоследствии этот солдат становится профессором Львовской консерватории.

Повесь на стенку скрипку и начинай сочинять

Композиторский гений Легара дорог нам в соединении с поразительным рисунком личной судьбы. Первый ребенок в семье военного капельмейстера Легара родился в апреле 1870 года в маленьком Коморне (территория нынешней Словакии) в условиях походно-полковых и был сразу предназначен отцом к жизни военного музыканта. Отец хотел видеть его скрипачом и занимался с ним везде, где странствовал его гарнизон, — Пресбург, Ольденбург, Карлсруэ, Будапешт, Вена, Сараево, Кронштадт. Маленький Франц, произносивший «р»,

Заложник страны

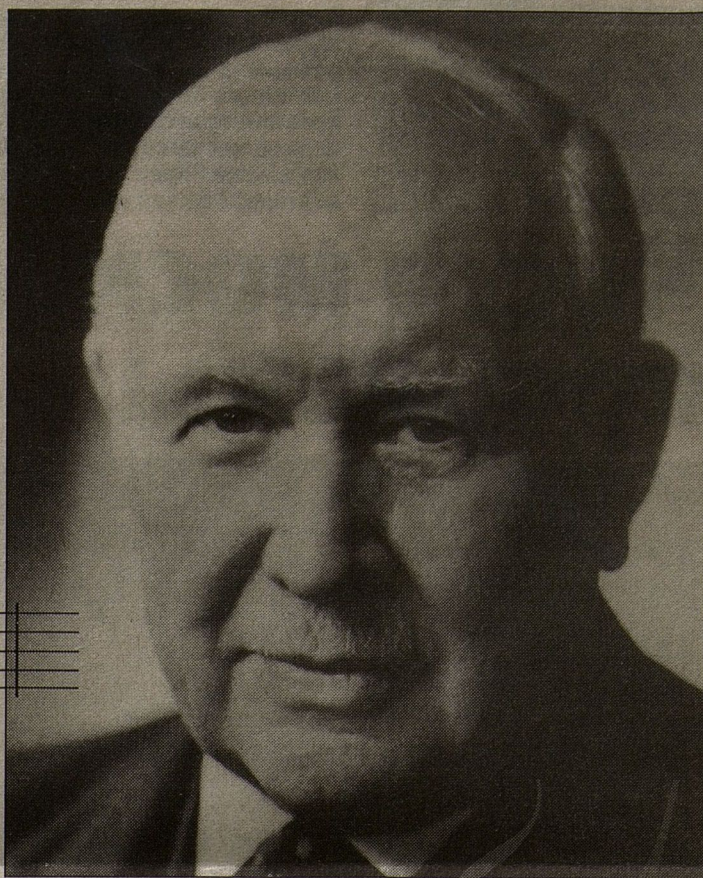
То, что Франца Легара, автора «Веселой вдовы», ошибочно причисляют к прошлому веку, неудивительно: репутация классика прибавляет возраст. Однако он почти наш современник: в эти дни исполнилось 50 лет со дня его смерти.

Звезды оперы Вера Шварц и Рихард Таубер: ну-ка, Ланци, чем на этот раз удивить? 1930-е гг.

Хоронили его под «Волжскую песню»

Улыбок

как «л», и потому получивший в семье ласкательное имя Ланци, в пять лет знает ноты, в шесть начинает сочинять сначала песню с посвящением матери, затем в 11 — с посвящением понравившейся ему соседской девочке. В 12 поступает, блестяще выдержав экзамены, в Пражскую консерваторию на скрипку и на старших курсах начинает все активнее думать о композиции. Знакомство с Дворжаком, наказавшим повесить на стенку скрипку и начать сочинять, окончательно определяет его путь. Вскоре к нему присоединится и рекомендация Брамса, он того же мнения. Но отец по-прежнему не считает это профессией — только скрипка, знание оркестра дает заработок. Собственно, так и было: первое время Легар получал за оркестровки больше, чем за оригинальные сочинения.

Восемнадцатилетний выпускник уезжает в свой первый театр в Бармен-Эльберфельде. В 19 лет переживает роман с 36-летней актрисой, причем настолько бурный, что чуть не бежит из города (вот она сила опереточных блондинок!). Потом мелькают Лондон, Пола (гавань на Адриатике), путешествие на корабле вокруг Европы, Лейпциг с премьерой «Кукушки», Триест. Будапешт и наконец Вена, в жизнь которой он не просто вписывается, а приобретает благодаря своей незаурядной внешности и видному положению военного капельмейстера определенную известность и даже круг поклонниц.

Что же такое «время Легара»?

Оно простирается от императора Франца Иосифа, ходячей древности, самого знаменитого Габсбурга, 68 лет бывшего на престоле, до Адольфа Гитлера. И тот, и другой знали Легара лично. Император помнил, как однажды в Будапеште тот не явился на военный парад (накануне слишком поздно пришел из театра слишком и не мог встать). Фюрер же был поклонником композитора с юности. 17-летний абитуриент из Линца Адольф Шикльгрюбер, отвергнутый приемной комиссией Венской академии искусств (лучше бы они тогда его приняли!), всегда стоял по причине безденежья на балконе Театра ан дер Вин, замирая, как и вся Вена, от зрелища «Веселой вдовы». Был он на пятидесятом представ-

лении Форда и господ Роллса и Ройса, а затем на танки и самолеты. Симфония его учителя Дворжака «Из Нового Света» впрямую с этим светом соотносится. Америка жаждет видеть живого Легара. Его умоляют все годы, композитор обещает, обещает... Но встречи так и не происходит. «Веселая вдова» появляется в США в 1907 году и порождает массовый психоз: ею называют шляпы, сигареты, обувь, рестораны, шоколад, вино, салаты, бифштексы, коктейли. Оперетту подвергают невероятным жанровым трансформациям, словно хотят, как на испытательном стенде, измерить возможность, исследовать внутреннюю конструкцию. В Чикаго ее сразу обращают в балет, в студенческом реву декламируют без музыки, в Филадельфии с моноспектаклями выступает супружеская пара — муж за роялем, жена одна во всех лицах от первого до последнего слова, в вокале и прозе. В частном колледже для девочек предмет «любовь» изучают по «Веселой вдове».

Словом, Легар проживает такой калейдоскоп исторических и мировоззренческих сдвигов, что к концу жизни словно перестает реагировать на эту глобальную движущуюся панораму. История будто обтекает маститого композитора, обосновавшегося в своих старинных замках и вилле в горах, среди антиквариата, охотничьих трофеев по стенам, ковров, бронзы, картин, фотографий и рояля. Комфорт и спокойствие, собранность и щедрость в быту. Последняя вещь — «Джудитта» — написана в 1934 году и поставлена в Венской опере. Премьера становится международным музыкальным событием. Далее следуют самые тягостные годы, о которых можно лишь догадываться и потому говорить с большой осторожностью.

Время итогов

Дело шло к семидесяти, и, казалось, можно начинать подводить итоги, как это сделал, к примеру, Фрейд. Итоги впечатляющие: признание полное, абсолютное, более 30 вещей в мировом репертуаре (из них 15 — в России, сегодня — 4), тысячи спектаклей ежегодно и, главное, создание нового странного жанра, получившего монопольное название «легариад».

Фюрер был поклонником композитора с юности. Адольф Шикльгрюбер всегда стоял по причине безденежья на балконе Театра ан дер Вин, замирая, как и вся Вена, от «Веселой вдовы».

ли, австрийца всегда в меньшей степени интересовало, кто будет очередным премьер-министром и будет ли война, нежели какой будет следующая роль их идола Александра Жирарди. Музыка пронизывала всю жизнь — от рождения до похорон. Даже на войну ходили с оркестром. («Веселая вдова» — название другой оперетты Штрауса.) Вена требовала оперетты, их нужно было много, и каждый новый успех лишь обострял запрос. Как бы ни писали об австрийской эмиграции конца 30-х годов, а все же 97 процентов сказали Гитлеру добро пожаловать, звонили колокола во всех церквях, и Вена, мало что понимающая, продолжала быть самой собой.

Легар не уехал. Эмигрировать в 70 лет было для него «не шуткой». Пытался уединиться на вилле, держаться особняком, но с его положением это невозможно. 70-летие отмечали в 1940 году в Венской опере. Лучшие оркестры — Берлинский и Венский — были к его услугам. Он, как и Рихард Штраус, становится вывеской режима. Деваться некуда, одно неосторожное, нелояльное движение — и его жена Софи отправится в Дахау вслед за другими еврейскими либреттистами. Состояние знаменитого музыканта, осененного признанием рейха, ужасно. Ко времени окончания войны он почти разбит. И в 1946-м, когда наступил мир и можно куда-то не уезжать, они с Софи, наборот, отправляются в Швейцарию. Река времени начинает уносить чету все дальше и дальше. Внезапно умирает Софи, его единственная и неповторимая.

EMI CLASSICS

И он отправляется к месту последнего пристанища — в Бад-Ишль

Город встречает любимого Ланци с трепетом, перед ним раскладываются на улице, снимают шляпы, уступают дорогу. Легар поднимается в кабинет, где по-прежнему царит идеальный порядок, а на столе ждут отточенные карандаши. К роялю не подходит, в полном молчании окидывает свою «Страну улыбок» и спускается вниз.

Он проживет еще год под присмотром сестры, составит с идеальной точностью сложное завещание. Распишет все: обязанности и планы своего венского издательства на Теобальдгассе (существует поныне), определит суммы и пожизненные пенсии разным людям — от родного брата до слуг, отдельной строкой распорядится относительно Фонда своего имени, Обединения авторов, композиторов и музы-

кальных издателей, передаст муниципалитету виллу под будущий музей. Он не оставит ни одного незавершенного сочинения. (Как и Рихард Штраус через год.) Поздней осенью под щебет птиц, который он еще слышал, и ранние закаты, которых уже почти не видел, Легар просто засыпает.

Бад-Ишль прощался с ним неделю. Композитор лежал в парадном концертном облачении в Гфаркирхе, пока шли бесконечные делегации Швейцарии, Германии, Англии, члены правительства, бургомистры, офицеры оккупационной армии и генералы старой имперской армии, писатели, музыканты, артисты. В момент похорон было исполнено и последнее желание Ланци — хор спел его «Волжскую песню» из «Царевича».

86.11.5

Легар Франц